

**Натаниэль
Готорн**

Алая буква

Перевод с английского
Эльги Линецкой, Нины Емельянниковой

ФТМ

Натаниель Готорн

Алая буква

«ФТМ»

1850

Готорн Н.

Алая буква / Н. Готорн — «ФТМ», 1850

Взаимосвязь прошлого и настоящего, взаимопроникновение реальности и фантастики, романтический пафос и подробное бытописание, сатирический гротеск образуют идейно-художественное своеобразие романа Натаниеля Готорна «Алая буква».

© Готорн Н., 1850

© ФТМ, 1850

Содержание

Таможня	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Натаниэль Готорн

Алая буква

Таможня

Вступительный очерк к роману «Алая буква»

Хотя я и не склонен распространяться о себе и своих делах, сидя у домашнего очага или в кругу друзей, все же, как ни странно, мною дважды овладевал биографический зуд, понуждая обратиться непосредственно к публике. Впервые это случилось года четыре назад, когда без всяких разумных причин, которые мог бы привести в качестве оправдания снисходительный читатель или навязчивый автор, я облагодетельствовал общество описанием своей жизни в нерушимой тишине Старой Усадьбы.¹ И так как мне тогда посчастливилось найти за пределами моего уединенного жилища нескольких слушателей, я теперь снова хватаю публику за пуговицу и делюсь с ней воспоминаниями о моей трехлетней работе в таможне. Никто еще так добросовестно не следовал примеру знаменитого «П. П., приходского писца».² Дело, по-видимому, в том, что когда автор отдает на произвол стихий исписанные им листки, он обращается не к тем многочисленным читателям, которые сразу же отложат книгу в сторону или вовсе не возьмут в руки, а к тем немногим, которые поймут ее лучше, чем большинство спутников его юности и зрелых лет. Конечно, некоторые писатели идут куда дальше и позволяют себе пускаться в такие откровенные признания, какие человеку дозволено делать в присутствии лишь одного-единственного, родственного ему по духу и сердцу, существа. Как будто брошенная в шумный мир книга непременно отыщет отделившуюся от автора половинку и соединит его с нею, тем самым восполнив круг его существования! Однако вряд ли пристойно говорить все – даже когда говоришь от третьего лица. И так как мысль съеживается, а язык примерзает к гортани, если у говорящего нет настоящей связи со слушателями, ему простительно воображать, что он беседует с другом, чутким и внимательным, хотя и не слишком близким. От такого приятного сознания наша природная сдержанность оттаивает, мы принимаемся болтать об окружающем и даже о нас самих, по-прежнему, однако, не приподнимая покрыва над нашим сокровенным «я». Мне думается, что только в такой степени и в таких пределах писатель может быть автобиографичным, не нарушая при этом ни интересов читателя, ни своих собственных.

Кроме того, очерк «Таможня» еще и потому имеет известное право на существование – право, всегда признаваемое литературой, – что в нем я рассказываю, как попали в мои руки многие страницы этой книги, а также привожу доказательства истинности изложенной в ней истории. Таким образом, единственной настоящей причиной моего прямого обращения к публике является желание показать, что я всего лишь редактор, или чуть больше, этой самой многословной из всех напечатанных мною повестей. Я позволил себе, не отклоняясь от основной

¹ ...*Старой Усадьбы*... – Речь идет о сборнике новелл Готорна «Легенды Старой Усадьбы» (1849), в котором автор рассказывает о своей жизни в Конкорде.

² «П. П., приходского писца» – Поль Прай – комический персонаж из комедии «Поль Прай» английского писателя Джона Пула (1786–1872), написанной в 1825 году и часто приписывавшейся Дугласу Джероллу (1803–1857). Этот образ беззастенчиво любопытного сплетника, насильно навязывающего посторонним людям свое общество, получил огромную популярность в XIX веке. Целый ряд писателей избрал имя Поль Прай своим псевдонимом, под этим именем выходили журналы, – оно стало нарицательным, и от него в разговорном языке есть даже производный глагол. Готорн говорит здесь о себе как о навязчивом Поле Прае, рассказ которого, быть может, и не интересен читателю.

цели, дать несколькими дополнительными штрихами беглый набросок людей, чей образ жизни до сих пор нигде не был описан. В числе этих людей находился и сам автор.

В моем родном городе Салеме,³ вблизи сооружения, которое еще полвека назад, во времена Кинга Дарби, было шумной пристанью, а теперь превратилось в скопище полуразрушенных деревянных складов и почти не обнаруживает признаков торговой жизни, если не считать брига или барка, выгружающего кожи где-нибудь посреди его меланхолических просторов, или шхуны из Новой Шотландии,⁴ сбрасывающей у выезда в город груз дров, – повторяю, вблизи этой частенько затопляемой приливом обветшалой пристани, где кайма чахлой травы вокруг вытянутых в ряд строений свидетельствует о вялой, поступи десятилетий, стоит поместительное кирпичное здание, выходящее окнами фасада на это не слишком веселое место и на другой берег бухты. На его крыше ежедневно, ровно с половины девятого утра и до полудня, развевается при ветре и вяло свешивается во время затишья флаг республики. Тринадцать полос на нем расположены не горизонтально, а вертикально, указывая тем самым, что правительство дяди Сэма⁵ представлено здесь только гражданскими властями. Балкон над лестницей с широкими гранитными ступенями покоится на деревянных колоннах портика. Вход увенчан огромным экземпляром американского орла⁶ с распростертыми крыльями, щитом перед грудью и, если память мне не изменяет, пучком молний вперемежку с тринадцатью зазубренными стрелами в каждой лапе. С обычной неуравновешенностью характера, свойственной этой злосчастной птице, она своими гневными глазами, клювом и свирепостью осанки словно грозит погибелью безобидному населению городка, особенно предостерегая жителей, которым сколько-нибудь дорого их благополучие, от вторжения в пределы, осененные ее крыльями. Тем не менее немало граждан и сейчас пытаются укрыться под крылом федерального орла, видимо полагая, что, несмотря на его сварливый вид, грудь у него мягка и уютна, как пуховая подушка. Но даже в лучшие минуты он не слишком добродушен и рано или поздно – скорее рано, чем поздно, – отгоняет своих птенцов, предварительно исцарапав их, клюнув или ранив зазубренной стрелой.

Обильная трава в расселинах мостовой вокруг описанного нами здания – с этой минуты мы будем называть его портовой таможней – говорит о том, что за последнее время оно не подвергалось буйному натиску, деловой жизни. Однако в иные месяцы выпадают такие утра, когда дела движутся оживленнее. В этих случаях старожилы могли бы вспомнить о годах перед последней войной с Англией,⁷ когда Салем был настоящим портом, а не таким, как сейчас, презираемым даже местными купцами и судовладельцами, которые не препятствуют его пристаням ветшать и осыпаться, между тем как товары этих купцов бесполезно и незаметно вливаются в мощный поток нью-йоркской и бостонской торговли. В такие утра, когда несколько судов, большей частью африканских или южноамериканских, одновременно прибывают или готовятся к отплытию, на гранитных ступенях звучат торопливые шаги многих поднимающихся и спускающихся людей. Здесь можно встретить, прежде чем его встретит собственная жена, только что вернувшегося в порт загорелого шкипера, который несет под мышкой облупленную консервную жестянку с судовыми документами. Сюда же приходит

³ Салем – родина Готорна; небольшой город в штате Массачусетс, некогда имевший значение как торговый порт. Прославился в истории знаменитым «ведовским» процессом 1691–1692 годов, когда, в результате религиозного фанатизма и суеверия пуритан, девятнадцать женщин были казнены за «колдовство и связь с дьяволом».

⁴ Новая Шотландия – провинция в Канаде на полуострове того же названия. Административный центр – Галифакс.

⁵ Дядя Сэм – возникшее в период войны с Англией (1812–1814) шутовское обозначение американского государства. Произошло от служебного сокращения «U. S. Am» (вместо «United States of America»), прочтенного как «Uncle Sam».

⁶ ...экземпляр американского орла... – Герб США изображает орла с распростертыми крыльями, сжимающего в когтях: в одной лапе ветку лавра, в другой – связку из тринадцати стрел. Над головой орла в венке из облаков реют тринадцать звезд, а в клюве орел держит ленту с латинской надписью; «E pluribus unum» (из множества единое). Вся эта символика говорит о факте объединения первых тринадцати штатов, отложившихся от Англии.

⁷ ...перед последней войной с Англией... – Подразумевается англо-американская война 1812–1814 годов.

судовладелец, веселый или сумрачный, любезный или насупленный, в зависимости от того, какие товары доставлены по его указанию из только что закончившегося плавания, – такие, которые быстро превратятся в золото, или же, напротив, такие, что лягут на плечи хозяина громоздким, никому не нужным грузом. Здесь мы также видим зародыш морщинистого, седобородого, измученного заботой купца в лице молодого расторопного клерка, который входит во вкус торговли, как волчонок – во вкус крови, и уже отправляет собственные товары на хозяйском корабле, хотя ему больше пристало бы пускаться кораблики у мельничной запруды. Видим мы на пристани и уходящего в дальнее плавание матроса, которому нужно свидетельство о гражданстве, и другого матроса, только что высадившегося, худого и бледного, ожидающего направления в госпиталь. Не следует забывать и капитанов обветшалых шхун, привозящих дрова из британских владений, – грубоватых моряков, не обладающих внешней живостью янки, но вносящих немаловажную лепту в нашу хиреющую торговлю.

Если собрать всех этих людей, как они порой собирались на самом деле, и присоединить к ним для разнообразия несколько случайных посетителей, таможня на время станет весьма оживленным местом. Однако, поднявшись по ступенькам, вы значительно чаще увидите на площадке перед входом, если дело происходит летом, или в соответствующих помещениях, если холодно и дождливо, почтенных джентльменов, развалившихся в старомодных креслах, откинутых на задних ножках спинками к стене. Обычно эти джентльмены спят, но иногда вступают в разговор между собой. Их голоса, сильно напоминающие храп, отличаются тем отсутствием энергии, которое свойственно обитателям богаделен и прочим человеческим существам, полностью зависящим от благотворителей, от пожизненной должности, словом, от чего угодно, только не от их личных усилий. Описанные старцы, сидящие, подобно Матфею,⁸ у входа в таможню, но едва ли могущие рассчитывать на то, что их призовут к совершению апостольских деяний, и являются таможенными чиновниками.

Дальше, по левую руку от входной двери, расположена контора – комната размером пятнадцать на пятнадцать футов, с очень высоким потолком и тремя полукруглыми окнами; два из них выходят на упомянутую запустелую пристань, третье – на узкий переулок и прилегающую к нему часть Дарби-стрит. Из всех трех видны лавки бакалейщиков, такелажных мастеров, старьевщиков и мелких торговцев, у чьих дверей толпятся, смеясь и болтая, отставные моряки и разные сомнительные личности, неизбежные в любом портовом квартале. Грязные крашенные стены комнаты затянуты паутиной, а пол посыпан серым песком, чего в других местах уже давным-давно никто не делает; общая неопрятность этого святилища говорит о том, что туда почти нет доступа женскому полу с его магическими орудиями – веником и шваброй. Вся обстановка состоит из печи с огромным вытяжным колпаком, старой сосновой конторки, треногого табурета возле нее, нескольких необычайно ветхих, неустойчивых стульев с деревянными сиденьями и – весьма важная подробность – из библиотеки, то есть книжных полок, на которых стоят десятка четыре томов постановлений Конгресса и объемистых справочников о таможенных сборах. Сквозь потолок пропущена жестяная труба, через которую можно переговариваться с другими помещениями таможни. И вот, с полгода назад, в этой комнате ходил из угла в угол или сидел на высоком табурете, опершись локтем о стол и рассеянно просматривая утреннюю газету, тот самый человек, который когда-то приветствовал вас, дорогой читатель, на пороге своей уютной рабочей комнатки в Старой Усадьбе, куда так весело заглядывали сквозь ветви ив лучи клонящегося к западу солнца. Но если бы вы захотели повидать его в таможне сейчас, то напрасно спрашивались бы о надзирателе – ставленнике демократов; метла преобразования вышвырнула его оттуда, и теперь новый, более достойный человек занимает его место и получает его жалованье.

⁸ *Матфей* – апостол и евангелист. Согласно легенде, был сборщиком пошлин на Тивериадском озере, до тех пор пока Иисус не призвал его к апостольскому служению.

Хотя как в юности, так и в зрелые годы, мне случалось надолго уезжать из старого Салема, моего родного юрода, все же я сохраняю – или сохранял – к нему привязанность, силу которой мог по-настоящему осознать лишь когда не жил в нем. Что и говорить, плоская, унылая местность, застроенная преимущественно деревянными домами, в общем даже и не претендующими на архитектурные красоты, неправильная планировка, в которой нет ничего живописного или оригинального, лениво растянущаяся по всему полуострову длинная и сонная улица, одним концом упирающаяся в городскую тюрьму и холм с виселицей, а другим в богадельню, – словом, весь внешний вид города, где я родился, может внушить не больше нежных чувств, чем доска с беспорядочно разбросанными шашками. И все же, хотя в других городах я неизменно был счастливее, к старому Салему у меня сохранилось чувство, которое, за неимением более точного слова, я принужден назвать привязанностью. Возможно, оно объясняется тем, что моя семья издавна пустила в эту почву глубокие корни. Почти два с четвертью столетия протекли с тех пор, как некий британец – первый из эмигрантов, чье имя я ношу,⁹ – появился в окруженном лесами глухом поселке, ставшем впоследствии городом. Там жили и умирали его потомки, смешивая свой земной прах с почвой, так что немалая ее доля стала сродни той брэнной оболочке, в которой мне дано еще некоторое время ходить по салемамским улицам. Таким образом, пристрастие, испытываемое мною, отчасти является бессознательной симпатией праха к праху. Немногие из моих земляков могут понять это, и оно, пожалуй, к лучшему, ибо частая перемена места, по-видимому, лишь совершенствует породу. Но есть для моей привязанности и некое моральное основание. Облик первого предка, которого семейные предания окружили неясным и сумрачным величием, жил в моем детском воображении с тех пор, как я себя помню. Он до сих пор преследует меня, и я испытываю к прошлому этого города некое влечение, которое отнюдь не распространяется на его настоящее. Мне чудится, что своим правом проживать в Салеме я обязан не столько самому себе, чьего лица почти никто не помнит, а имени не знает, сколько этому непреклонному, бородатому, одетому в черный плащ и островерхую шляпу прародителю, который так давно появился здесь с библией в одной руке и шпагой в другой, так торжественно выступал по только что проложенной улице и был такой заметной фигурой в дни мира и войны. Он правил церковными делами и сочел в себе воина, законодателя, судью. Все, достоинства пуритан¹⁰ переплетались в нем со всеми их недостатками. Подобно им всем, он был фанатиком, и квакеры¹¹ в своих воспоминаниях свидетель-

⁹ ...некий британец – первый из эмигрантов, чье имя я ношу... – предок автора Вильям Готорн (1607–1681), колониальный чиновник в Массачусетсе. Приехал в Америку в 1630 году вместе с упоминаемым в романе первым губернатором Массачусетса Джоном Уинтропом. С 1636 года и до самой смерти жил в Салеме, где занимал выдающееся положение в городской администрации, выполнял дипломатические и военные поручения. Был известен своей религиозной нетерпимостью, которую воспринял и сын его Джон Готорн, судья в Салеме, участник пресловутых «ведовских» процессов. Проклятие, посланное Джону Готорну одной из жертв такого изуверского суда, было воспринято суеверными горожанами как источник многих бедствий, постигших семью Готорнов. Мотив подобного проклятия использован Натаниелем Готорном в романе «Дом о семи фронтонах».

¹⁰ *Пуритане* – сторонники религиозной реформации в Англии. Составляли основную опору английской революции XVII века. Подвергшись преследованиям у себя на родине, многие пуритане эмигрировали в Америку. Их поселения в Плимуте, Массачусетсе и других местах на северо-востоке страны положили основание Новой Англии. Здесь пуритане создали особое общественное устройство, «теократию» («власть Бога»), при котором духовенства руководило всей жизнью общины. Система взглядов пуритан определялась Библией и характеризовалась вечным страхом перед карающим Богом. Человек рассматривался как существо греховное от рождения. Его судьба была заранее predetermined – он подлежал вечному наказанию в аду. Однако американские пуритане полагали, что верующий может вступить с Богом в своеобразное соглашение (так называемый «ковенант благодати»), по которому Бог обязывался спасти человека от адских мук в обмен за искреннюю и пламенную веру. Чтобы доказать Богу подлинность своей веры, пуритане вели аскетический образ жизни, подчинялись всем указаниям своего духовенства, а также активно искореняли ереси и «врагов Христовых» внутри городских поселений. Отсюда шли избиения квакеров, «ведовские процессы» и тяжелые кары за нарушение моральных норм поведения. Об одном из таких событий и рассказывает Готорн в романе «Алая буква».

¹¹ *Квакеры* – протестантская секта в Англии, созданная в середине XVII века Джорджем Фоксом. Фокс – проповедник из ремесленников – считал, что «истина дана не в книгах, а в сердцах людей». Его посещали «видения», которые он ставил выше Священного Писания. Когда на него «находил дух божий», он в судорогах падал на землю (отсюда название «quaker» –

ствуют о его непомерной суровости к одной женщине из их секты, – суровости, которую, боюсь, будут помнить дольше, чем любое из его многочисленных благих деяний. Сын унаследовал от отца дух фанатизма и сыграл столь заметную роль в преследовании ведьм, что кровь их, можно сказать, оставила на нем несмываемое пятно, которое, должно быть, до сих пор можно разглядеть на его старых сухих костях, скрытых в земле Чартер-стритского кладбища, если только они не рассыпались окончательно в прах. Мне неизвестно, успели ли мои предки раскаяться в своей жестокости и выпросить себе прощение у неба или же они до сих пор стонут в ином мире под тяжестью ее последствий. Так или иначе, я, пишущий эти строки, беру, в качестве их представителя, весь позор на себя и молю, чтобы отныне и вовеки на них не тяготело проклятие, хотя они его вполне заслужили, судя по тому, что нам известно о трудных и мрачных условиях существования тех давно минувших времен.

Однако эти строгие и угрюмые пуритане, несомненно, сочли бы вполне достаточным искуплением своих грехов то обстоятельство, что почтенный замшелый ствол их фамильного древа дал через столько лет на своей верхушке отросток в виде такого бездельника, как я. Цели, к которым я когда-либо стремился, показались бы им недостойными, а успехи – если в моей жизни, вне пределов домашнего круга, были какие-нибудь успехи – они сочли бы жалкими или даже постыдными. «Что он делает? – шепчет один седой призрак моего праотца другому. – Пишет романы! Что за занятие, что за способ прославлять творца или служить человечеству при жизни, и после кончины! Просто непостижимо! С не меньшим основанием этот выродец мог бы сделаться уличным музыкантом!» Такими комплиментами награждают меня через пропасть столетий мои предки! Но как бы они на меня ни гневались, свойства их сильных натур проглядывают и в моем характере.

Тесно связанная с младенчеством и детством города этими ревностными и деятельными людьми, семья с тех пор жила здесь, сохраняя глубокую добропорядочность. Насколько мне известно, никогда ни один из ее членов не бросил на нее тени и вместе с тем не совершил – если не считать двух родоначальников – памятного или хотя бы приметного для его сограждан поступка. Напротив того, они постепенно начали исчезать из виду, как те старые дома на салеми-ских улицах, которые до самых стрех уходят в землю, заносимые новыми слоями почвы. Почти сто лет все они, из поколения в поколение, были связаны с морем: седоголовый шкипер, отец семейства, возвращался из капитанской каюты к домашнему очагу, а его четырнадцатилетний сын занимал наследственное место на баке, грудью встречая соленую волну и шторм, которые неистовствовали так же, как во времена его деда и прадеда. Потом юноша, в свой черед, переходил с бака в капитанскую каюту и, бурно проведя свои лучшие годы в странствиях по свету, возвращался домой – стареть, умирать и смешивать свой прах с родной почвой. Эта длительная связь семьи с местом, где рождались и кончали свой век все ее члены, создала между человеческими существами и городом какое-то сродство, не зависящее от привлекательности природы или жизненных условий. Тут дело не в любви, а в инстинкте. Если человек прибыл из других мест и даже если его отец или дед родились не в Салеме, он не может называться салеменцем, ибо не имеет и представления об упрямой, поистине устричной привязанности старого поселенца, над которым ползет уже третье столетие, к месту, где, поколение за поколением, похоронены все его предки. Неважно, что город его не радует, что он устал от старых деревянных домов, грязи и пыли, от плоского пейзажа и плоских чувств, от леденящего восточного

«дрыгун», данное в насмешку его противниками). Объединившись в «Общество друзей», квакеры выросли в большую силу. Они отвергали религиозные догматы и обряды, считали, что главное – это благочестивая жизнь. Бог дает человеку внутреннее откровение, которое выше всей учености богословов и даже самой Библии. Религия есть частное дело индивидуума, и государство не должно вмешиваться в вопросы веры. Это был последовательно проведенный принцип индивидуализма в вопросах религии, который вызывал резкое сопротивление в теократических американских общинах. Квакеры во главе с Вильямом Пенном в 1681 году основали в Америке свое собственное поселение Пенсильванию. В других же американских поселениях они подвергались ожесточенным преследованиям. Готорн посвятил этой теме свою новеллу «Кроткий мальчик», в которой речь идет о гибели семьи квакеров, ставшей жертвой религиозного фанатизма.

ветра и еще более ледящей атмосферы общественной жизни: все это, вместе с любыми недостатками, которые он видит или может себе представить, не имеет значения. Чары не исчезают и действуют так же сильно, как если бы родные места были земным раем. Так случилось и со мной. Словно какой-то высший долг повелевал мне обосноваться в Салеме, чтобы в течение положенного срока люди могли видеть и узнавать черты лица и характера, искони знакомые здесь всем, ибо стоило одному представителю лечь в могилу, как следующий, подобно дозорному, уже шагнул по главной улице. Но само это ощущение свидетельствует о том, что пора, наконец, порвать ставшую вредной связь. Не только картофель, но и человек мельчает, если в продолжение многих поколений сажать и пересаживать его в одну и ту же истощенную почву. Мои дети родились в других городах и, насколько это будет зависеть от меня, пустят корни в непривычной почве.

Лишь в силу этой непонятной, холодной и безрадостной привязанности я, распростившись со Старой Усадьбой, решил устроиться в кирпичном здании дяди Сэма, хотя с таким же или с большим успехом мог переехать куда угодно. Но рок тяготел надо мной. Я уезжал из Салема не раз и не два, уезжал, казалось, навеки, и все-таки возвращался, точно я был фальшивой монетой или Салем – могучим притягательным центром моей вселенной. И вот в одно прекрасное утро я поднялся по гранитным ступеням, имея в кармане назначение, подписанное президентом, и был представлен штату джентльменов, которые должны были помочь мне нести тяжкую ответственность, возложенную на меня обязанностями главного надзирателя таможи.

Полагаю – вернее, убежден, – что ни у одного чиновника гражданского или военного ведомства Соединенных Штатов Америки не было в подчинении такого множества почтенных ветеранов, как у меня. Взглянув на них, я тотчас понял, где именно следует искать нашего старейшего гражданина. За последние двадцать лет независимость положения главного сборщика пошлин салемской таможи была такова, что ему удавалось уберечь свое учреждение от водоворота случайностей политической жизни, делающих судьбу всякого должностного лица столь шаткой. Воин – самый прославленный воин Новой Англии,¹² – он твердо стоял на пьедестале своих боевых заслуг и, охраняемый мудрой снисходительностью сменявших друг друга правительств, при которых ему пришлось служить, был щитом для подчиненных в часы нередких опасностей и тревог. Генерал Миллер был консервативен от природы. Привычка составляла основу его доброжелательной натуры. Он очень привязывался к людям, которых часто видел, и с трудом соглашался на перемены, даже когда они сулили несомненную пользу. Поэтому, вступив в должность, я увидел вокруг себя почти одних стариков. Большинство из них некогда были капитанами дальнего плавания и, избородив множество морей, стойко выдержав житейские бури, причалили, наконец, к этой тихой гавани, где, не ведая никаких волнений, если не считать периодической паники перед президентскими выборами, получили как бы добавочный срок жизни. Не менее прочих смертных подверженные влиянию старости и болезней, они явно владели каким-то талисманом, державшим смерть на почтительном расстоянии. Несколько человек, страдавших, как меня заверили, подагрой, или ревматизмом, или просто старческой немощью, большую часть года даже и не появлялись в таможе; с окончанием зимней спячки они вылезали на майское или июньское солнышко и, апатично исполнив то, что называли своими обязанностями, снова, никого не спросив, отправлялись в постель. Должен сознаться, что я грешен в сокращении срока таможенного существования нескольких престарелых слуг республики. По моему ходатайству им был предоставлен отдых от неусыпных трудов, и вскоре они отошли в лучший мир, так как ревностное служение отчизне было, по видимому, единственным смыслом их жизни. Я утешаюсь благочестивой мыслью, что вследствие моего вмешательства у них осталось достаточно времени, чтобы раскаяться в дурных

¹² Новая Англия – основной центр капиталистического развития США в описываемую эпоху. В настоящее время Новая Англия объединяет шесть северо-восточных штатов: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут.

и бессовестных делах, которых, по общему мнению, не может не совершать таможенный чиновник. Ни парадный, ни черный ход таможни не ведут в рай.

Большинство моих подчиненных были вигами.¹³ Их почтенному братству повезло в том отношении, что новый надзиратель хотя и был в принципе искренним сторонником демократов,¹⁴ однако вступил в свою должность и исполнял ее, не помышляя ни о каких политических целях. Если бы дело обстояло иначе, если бы на этот ответственный пост был назначен рьяный политик, который захотел бы вступить в борьбу с главным сборщиком – вигом, – это оказалось бы нетрудной задачей, так как недуги последнего не позволяли ему самолично управлять делами, – то вряд ли хоть одному из старичков удалось бы избежать служебной кончины через месяц после появления у входа в таможню вышеупомянутого ангела смерти. Согласно общепринятому в таких случаях кодексу поведения, рьяный политик счел бы своим долгом подвести под нож гильотины все эти седые головы. Нет сомнения, старики ждали от меня именно такой неучливости. Больно и смешно было видеть, как при входе такого безобидного существа, как я, смертельно бледнеют морщинистые щеки, обветренные многими десятилетиями штормов, и слышать дрожь в голосе, который некогда так зычно орал в рупор, что мог бы устроить самого Борея. Эти превосходные старцы понимали, что по установленным правилам и по непригодности – во всяком случае некоторых из них – к делу им пора уступить место людям помоложе, лучше разбирающимся в политике и более приспособленным к служению нашему общему дядюшке. Я тоже это понимал, но у меня не хватало мужества действовать согласно пониманию. Поэтому, к вящему моему стыду и к великому ущербу для моей служебной совести, все время, пока я работал в таможне, они продолжали ковылять по пристани, с трудом одолевая таможенную лестницу. Немало времени тратили они и на сои в привычных углах, где стояли их откиннутые к стене кресла и где, время от времени просыпаясь, они наводили друг на друга зевоту бесконечным повторением одних и тех же набивших оскомину морских историй и заплесневелых острог, которые стали у них паролем и отзывом.

Почтенные джентльмены, кажется, вскоре обнаружили, что новый надзиратель не слишком опасен. Поэтому с легким сердцем и счастливым сознанием, что приносят пользу если не нашей возлюбленной стране, то по крайней мере самим себе, они продолжали исполнять все мелочные формальности таможенной службы. Как глубокомысленно заглядывали они сквозь очки в корабельные трюмы! Какой великий шум поднимали из-за пустяков и с какой поразительной слепотой прозевывали большие партии грузов! Если случалась подобная неприятность, если, скажем, среди бела дня и под самыми их ничего не подозревающими носами на берег была контрабандой выгружена груда ценного товара, с какой бдительностью, с каким непревзойденным прозорством они потом замыкали на двойной замок, и завязывали, и опечатывали двери во всех закоулках провинившегося корабля! Казалось, они достойны были не выговора за упущение, а похвалы за мудрую осмотрительность, благодарного признания их усердия и расторопности в ту минуту, когда зло уже совершилось и не было возможности его исправить!

Если люди не совсем уж дурны, то, по глупому свойству своего характера, я отношусь к ним доброжелательно. Обычно меня интересуют лучшие стороны человека – если они у него

¹³ *Виги* – политическая партия, существовавшая в США в 1834–1854 годах. Представляла интересы банкиров и крупных промышленников Севера. Виги были политическими преемниками партии федералистов и предшественниками нынешней республиканской партии.

¹⁴ *Демократическая партия* – основана Томасом Джефферсоном в 1828 году для борьбы против реакционной политики растущего класса капиталистов. В период, о котором пишет Готорн, когда еще не разгорелась борьба за отмену рабства негров в Южных штатах, в демократическую партию входили также широкие массы мелких фермеров и наемных рабочих Севера и Запада, которые по традиции считали ее «партией масс». Только в 1850-е годы, когда демократическая партия разоблачила себя как политическое орудие реакционных рабовладельцев Юга, массы отхлынули от нее, и она распалась на отдельные фракции. В результате этого в 1860 году президентом был избран кандидат вновь образованной республиканской партии, противник рабства негров, Авраам Линкольн.

есть, – и по ним я составляю свое суждение о нем. Так как большинство этих старых таможенных чиновников не были лишены достоинств и так как я, можно сказать, занимал положение их отца и покровителя, что весьма способствует развитию дружеских чувств, то вскоре все они начали мне нравиться. В летние утра, когда палящий зной, прямо-таки расплавлявший людей, лишь слегка отогревал моих полузамерзших старичков, приятно было слышать их болтовню на площадке у задней двери, где они, как всегда, сидели рядышком в креслах, откинутых к стене, и застывшие шутки былых поколений оттаивали и пузырились вместе со смехом на их губах. Веселье стариков внешне очень похоже на жизнерадостность детей. Тут нет места разуму или глубокому чувству юмора, это просто блики, скользящие по поверхности и озаряющие веселым солнечным светом равно и зеленую ветку и старый замшелый ствол. Но в одном случае это действительно солнечный свет, тогда как в другом – лишь слабая фосфоресценция гнилой древесины.

Было бы, однако, глубокой несправедливостью, если бы читатель счел всех моих почтенных друзей выжившими из ума стариками. Прежде всего, не все они были стары. Среди моих подчиненных попадались люди в расцвете сил и молодости, способные, деятельные, достойные куда более интересной и независимой жизни, чем та, на которую их обрекла несчастливая звезда. Кроме того, и седая голова оказывалась иногда обителью хорошо сохранившегося разума. Но в видах справедливости следует признать, что большинство моих ветеранов были скучнейшими старыми сморчками, не вынесшими из опыта долгой жизни ничего стоящего внимания. Они словно выбросили все золотые зерна жизненной мудрости, которые так обильно могли бы собрать, и старательно засорили память шелухой. Об утреннем завтраке, о вчерашнем, сегодняшнем или завтрашнем обеде они рассказывали с куда большим интересом и увлечением, чем о кораблекрушении, случившемся полвека назад, или о каких-либо чудесах, виденных ими в юности.

Старейшиной таможни – патриархом не только среди немногочисленных салемских чиновников, но и, осмелюсь утверждать, среди всей многоуважаемой корпорации таможенных служащих Соединенных Штатов Америки – был некий несменяемый инспектор. Его поистине можно назвать законным отпрыском прочной, чтобы не сказать порочной, системы пошлин, поскольку отец инспектора, полковник революционных войск, а прежде – начальник портовой таможни, специально создал должность для сына и определил его на службу так давно, что людей, помнящих те времена, уже почти не осталось. Когда я познакомился с инспектором, ему было лет восемьдесят. Даже если потратить всю жизнь на поиски, едва ли удалось бы найти более замечательный образчик вечнозеленого растения. Глядя на цветущие инспекторские щеки, плотную фигуру в щеголеватой синей куртке с начищенными пуговицами, быструю молодецкую походку, загорелое приветливое лицо, вы, конечно, не могли подумать, что он молод, но вам невольно казалось, что мать природа создала в образе этого человека новый вид, не подверженный старости и болезням. Его голос и смех, перекатывавшиеся по всей таможне, не имели ничего общего с дрожащим старческим кудахтаньем и бормотанием: они вылетали из его легких точно кукареканье петуха или звук трубы. Если рассматривать инспектора как животное, – а рассматривать его иначе было трудно, – он производил великолепное впечатление здоровьем, цельностью, способностью наслаждаться в столь преклонном возрасте всеми или почти всеми радостями жизни, доступными его пониманию или знакомыми по опыту. Верный заработок и спокойное, обеспеченное существование в таможне, лишь изредка нарушаемое опасением лишиться места, безусловно способствовали тому, что время так милоствиво обошлось с ним. Однако истинная и главная причина этого заключалась в редком совершенстве его животной природы, не слишком обремененной разумом и лишь слегка сдобренной моральными и духовными ингредиентами. Последние качества были отпущены почтенному старцу в количестве только-только достаточном, чтобы он не ходил на четвереньках. Он не обладал ни силой мысли, ни глубиной восприятия, ни неудобной чувствительностью,

короче говоря, был наделен лишь несколькими обычными инстинктами, которые, в сочетании с благодушным характером – следствием физического здоровья, – очень хорошо, по общему мнению, заменяли ему сердце. Он был мужем трех жен, давно уже умерших, отцом двадцати детей, которые в младенческом или зрелом возрасте почти все также отошли в иной мир. Казалось бы, столь многочисленные несчастья могли омрачить траурной дымкой самую жизнерадостную натуру. Но не таков был наш инспектор! Один короткий вздох – и он сбрасывал с плеч бремя этих воспоминаний. В следующий миг он уже радовался жизни, словно несмышленый младенец, радовался так, как не мог бы радоваться и самый младший из таможенных клерков, который в свои девятнадцать лет был и взрослее и серьезнее инспектора. Я наблюдал за этим патриархом и изучал его с большим, пожалуй, интересом, чем остальных представителей рода человеческого, собранных в таможне. Поистине, он был редкостным экземпляром – столь же совершенным с одной стороны, сколь расплывчатым, пошлым, бессодержательным и ничтожным – со всех остальных. Я пришел к выводу, что у него нет ни души, ни ума, ни сердца, – словом, как я уже говорил, ничего, кроме инстинктов. При этом немногочисленные материалы, из которых складывался его характер, были так искусно соединены между собой, что не создавали неприятного впечатления скудоумия, – напротив, меня во всяком случае инспектор вполне удовлетворял. Было нелегко, вернее невозможно, представить себе такого земного и чувственного человека в загробной жизни. Но если предположить, что существование инспектора должно было окончиться вместе с его последним вздохом, оно обладало известной прелестью: моральной ответственности столько же, сколько у животного, способностей наслаждаться больше и такое же блаженное неведение тоски и ужаса старости.

Но в чем он имел огромное преимущество перед своими четвероногими собратьями, так это в способности помнить все вкусные обеды, съеденные им в течение жизни и доставившие ему немало счастья. Гурманство было чрезвычайно приятной его чертой, и рассказы инспектора о ростбифе возбуждали аппетит не хуже, чем пикули или устрицы. Так как других столь же привлекательных качеств в нем не наблюдалось и, сосредоточив всю свою энергию и изобретательность на радостях желудка, он не зарыл в землю и не уничтожил никаких иных талантов, я всегда с удовольствием и признательностью слушал его разглагольствования по поводу рыбы, курятины, говядины и лучших способов их приготовления. Внимая воспоминаниям инспектора о вкусном обеде, которым его некогда угощали, слушатель вдыхал аромат свинины или индейки. Небо этого человека сохранило ощущения, испытанные лет семьдесят назад, такими же свежими, как вкус баранины, которую он только что съел за завтраком. Я видел, как он облизывал губы, припоминая пирушки, все участники которых, если не считать его самого, давно уже служили пищей червям. Было необычайно любопытно наблюдать, как перед его мысленным взором непрерывно возникали видения испробованных когда-то блюд – не гневные, не грозящие мезью, но словно благодарные за то, что он в былые годы их оценил, и призывающие отречься от нескончаемых наслаждений, одновременно и чувственных и призрачных. Он помнил нежное говяжье филе, телячью ножку, свиную котлету, лакомого цыпленка или особенно аппетитную индейку, которые украшали его стол в незапамятные времена, между тем как все важные для человечества события и все происшествия, озарявшие или омрачавшие его собственную жизнь, пролетали над ним, оставляя не больше следов, чем легкий ветерок. Насколько я могу судить, самой большой трагедией старика была неудача с неким гусем, жившим и умершим лет тридцать – сорок назад, гусем, который необычайно много обещал с виду, но на столе оказался до того несокрушимым, что делить его останки на части пришлось не ножом, а топором и пилой.

Однако пора кончать этот портрет, хотя я с удовольствием продолжал бы его рисовать, потому что из всех встреченных мною в жизни людей никто так не подходил к роли таможенного служащего, как инспектор. По причинам, о которых сейчас нет возможности распространяться, служащие таможни благодаря особенностям своей работы обычно теряют мно-

гие из своих добродетелей. Инспектор был неспособен на это, и продолжай он работать там до скончания веков, в нем не произошло бы никаких перемен и он садился бы за очередную трапезу с тем же неизменным аппетитом.

Есть еще один человек, без описания которого в моей галерее портретов таможенных чиновников оказался бы непонятный пробел. Но так как у меня было сравнительно мало случаев для наблюдения, мне придется ограничиться самыми беглыми контурами. Я говорю о нашем главном сборщике, доблестном генерале, который после блестящей службы в армии и последующего управления одной из территорий Дикого Запада приехал лет за двадцать до описываемого времени в Салем доживать там свою безупречную и полную событий жизнь. Бравому солдату было уже около семидесяти лет, и остаток жизненного пути он преодолевал, обремененный недугами, которых не могла облегчить даже бодрящая музыка воинственных воспоминаний. Тот, кто некогда первым бросался в битву, теперь едва передвигал ноги. Тяжело опираясь одной рукой на плечо слуги, а другой – на железные перила, он с бесконечными усилиями поднимался по лестнице таможни и медленно добредал до привычного кресла у камина. Там он сидел, глядя с какой-то застывшей благожелательностью на проходивших мимо людей. Шорох бумаг, брань, деловые разговоры, болтовня – весь этот шум и суета, казалось, лишь скользили по поверхности его сознания, не проникая в глубину. Лицо генерала в минуту покоя выражало доброту и мягкость. Когда к нему обращались, в его глазах мелькал учтивый интерес, говоривший о том, что в душе нашего главного сборщика продолжает гореть свет разума и лишь некая внешняя преграда мешает лучам пробиться наружу. Чем ближе вы знакомились с внутренним миром старого воина, тем более разумным он вам казался. Если генералу не нужно было говорить или слушать, – а то и другое явно очень утомляло старика, – на его лице вскоре вновь появлялось выражение безмятежного покоя. Встретиться с его взглядом не было неприятно, так как, хотя глаза и потускнели, в них никто не подметил бы старческого слабоумия. Основа некогда сильной и устойчивой натуры все еще оставалась невидимой.

Но понять и определить его характер в этих неблагоприятных условиях было делом столь же трудным, как по виду серых, беспорядочных развалин вычертить и заново отстроить в воображении старую крепость, например Тикондерога.¹⁵ Возможно, кое-где ее валы не пострадали, зато в других местах они лежат бесформенной грудой, осевшей под собственной тяжестью и поросшей за долгие годы небрежения и мира травой и сорняками.

Хотя я мало общался со старым генералом, но, приглядываясь к нему с любовью, – ибо мои чувства, подобно чувствам всех окружавших его двуногих и четвероногих, вполне могут быть названы этим словом, – я все же рассмотрел основные черты его характера. Они были отмечены печатью доблести и благородства, свидетельствующей о том, что своей известностью он обязан не случаю, а справедливости. Думаю, что он никогда не отличался кипучей энергией. Вероятно, всю жизнь он нуждался в каком-нибудь толчке извне, чтобы начать действовать, но уж раз начав, да еще если впереди лежали препятствия и достойная цель, он ни перед чем не отступал и не знал поражений. Душевный жар, отличавший его и все еще не остывший, не давал ярких вспышек, не рассыпался искрами; скорее это было ровное красное свечение раскаленного в печи железа. Значительность, твердость, стойкость – такое впечатление он производил, когда ничто его не тревожило, и это – невзирая на безвременное увядание, о котором я говорил. Но и тогда я допускал, что под влиянием какого-нибудь глубоко проникшего в душу волнения, поднятый зовом горна, достаточно громким, чтобы разбудить дремавшие, но не угасшие силы, он мог бы сбросить свою немощь, словно больничный халат, и, сменив посох старости на шпагу, снова стать воином. И в столь напряженный момент он по-прежнему остался бы невозмутимым. Однако подобная картина была лишь плодом вооб-

¹⁵ *Тикондерога* – старая крепость и небольшое селение, расположенное между двумя озерами Джордж и Чемплэйн. В период войны за независимость США эта крепость была ареной кровопролитных боев.

ражения, а не предвидением или пожеланием. На самом же деле, подобно тому как я своими глазами видел остатки несокрушимых валов старой крепости Тикондерога, упомянутой выше в качестве наиболее точного уподобления, так и в генерале Миллере я отчетливо различал непреклонную и стойкую твердость, доходившую, вероятно, в более молодые годы до упрямства; цельность, вытекавшую, как и большинство его достоинств, из некоторой душевной тяжеловесности и столь же неподатливую, как глыба железной руды; доброжелательность, которая, несмотря на неистовство, проявленное в штыковой атаке при реке Чипева или у форта Эри,¹⁶ была не менее искренней, чем доброжелательность некоторых или всех вместе взятых сомнительных филантропов нашего времени. Мне известно, что он своими руками убивал людей. Да, они падали под натиском, воодушевленным его победоносной энергией, как травинки под взмахом косы, но при этом у него не хватило бы жестокости даже на то, чтобы сдуть пыльцу с крыла бабочки. Я не знаю человека, к чьей врожденной доброте я мог бы обратиться с большим доверием.

Многие характерные штрихи, в том числе и немаловажные для того, чтобы зарисовка вышла похожей, исчезли или поблекли задолго до моего знакомства с генералом. Обычно раньше всего мы утрачиваем черты внешней привлекательности, тем более что человеческие развалины природа никогда не украшает новыми прекрасными цветами, подобными вьющимся растениям, которые покрывают стены разрушенной крепости Тикондерога и находят себе пропитание в расселинах и трещинах камней. Но в старом генерале сохранились даже следы былой красоты и изящества. Порою луч веселья пробивался сквозь мутную преграду дряхлости и ласково скользил по нашим лицам. Любовь к прекрасному, редко встречающаяся у мужчин, уже достигших зрелого возраста, сказывалась в пристрастии генерала к цветам, к их аромату. Казалось бы, старый воин может ценить только кровавые лавры на своем челе; между тем генерал Миллер проявлял совершенно девичью нежность ко всему цветочному племени.

Целыми днями доблестный старый генерал сидел у камина, а надзиратель любил стоять в отдалении и наблюдать за спокойным, даже сонным лицом старика, по возможности не ставя перед собой сложной задачи вовлечь его в беседу. Казалось, он не с нами, несмотря на то, что мы видели его в нескольких шагах от себя; далек, хотя мы проходили мимо кресла, где он сидел; недостижим, хотя мы могли протянуть руку и коснуться его. Вероятно, собственные мысли были для него большей реальностью, чем столь чуждая ему обстановка таможенной конторы. Движение войск на параде, шум битвы, старинный героический марш, слышанный тридцать лет назад, – все эти сцены и звуки, быть может, возникали в его сознании, в то время как мимо него взад и вперед сновали купцы, ловкие клерки и неотесанные матросы. Вокруг генерала не смолкало жужжание суетливой торговой и таможенной жизни, но он, казалось, не имел ни малейшего отношения ни к этим людям, ни к их делам. Он был среди них так же неуместен, как была бы неуместна на столе главного сборщика, среди чернильниц, деревянных линейек и папок для бумаг, старая шпага, покрытая ржавчиной, но все еще поблескивающая клинком, который некогда сверкал в первых рядах сражающихся войск.

Один штрих особенно помог мне восстановить, воссоздать образ стойкого воина, охранявшего границу у Ниагары, человека, наделенного истинным и скромным мужеством. Речь идет о его памятных словах: «Я попытаюсь, сэръ!» – сказанных перед отчаянной и героической вылазкой и проникнутых духом отважных сынов Новой Англии, которые понимали, что такое опасность, и смело шли ей навстречу. Если бы в нашей стране было принято награждать храбрость геральдическими отличиями, лучшим девизом для герба генерала послужила бы эта фраза, которую было как будто так легко сказать, но, – зная, что ему предстоит столь трудное и славное дело, – сумел сказать лишь он один.

¹⁶ Чипева, форт Эри – места боев в англо-американской войне 1812–1814 годов.

Для душевного и умственного равновесия человека весьма полезно постоянное общение с людьми, совсем не похожими на него и не разделяющими его стремлений, с людьми, чьи интересы и способности он в состоянии оценить лишь отвлекшись от себя. Обстоятельства моей жизни часто давали мне эту возможность, но особенно полно и разнообразно я воспользовался ею во время работы в таможне. Там встретился мне человек, наблюдение за которым изменило мое представление о том, что такое талант. Он в исключительной степени обладал качествами, необходимыми деловому человеку, то есть живым, острым, ясным умом, умением разбираться в самых запутанных вопросах и способностью так все устроить, что трудности исчезали, словно по мановению волшебной палочки. Таможня, где он работал с юношеских лет, была точно создана для него; все хитроумные тонкости дела, приводившие в отчаяние непосвященного, представляли перед ним как части хорошо слаженной и совершенно четкой системы. Мне он казался идеалом человека определенного типа. Он, так сказать, олицетворял собой таможню или во всяком случае был главной пружиной, не дававшей ее разнообразным колесикам остановиться, ибо в учреждении, куда людей большей частью набирают для их выгоды и удобства, а не для пользы дела, служащим поневоле приходится прибегать к чьей-то сообразительности, раз у них самих она отсутствует. Поэтому вполне закономерно, что, как магнит притягивает железные опилки, так и наш деловой человек притягивал к себе все затруднения, с которыми мы сталкивались.

С милой снисходительностью и добродушной терпимостью к нашей тупости, которая ему, с его складом ума, должна была казаться почти преступной, он тотчас, одним легчайшим прикосновением, превращал все самое непонятное в ясное как день. Купцы отдавали ему не меньшую дань уважения, чем мы, его собратья, посвященные в тайны ремесла. Он был безукоризненно честен, скорее по самой своей природе, чем по доброй воле или из принципа; человек, наделенный таким четким и упорядоченным умом, мог вести дела лишь самым аккуратным и добросовестным образом. Пятно на совести, – насколько его профессия имела отношение к совести, – тревожило бы его так же, только в значительно большей степени, как ошибка в балансе или клякса на чистой странице счетной книги. Короче говоря, я встретил – редкий случай в моей жизни – человека, полностью соответствовавшего своему положению.

Таковы были некоторые из людей, с которыми я оказался связанным. Я не роптал на провидение за то, что мне пришлось вести жизнь, столь далекую от прежних моих привычек, и честно старался извлечь из нее возможную пользу. После того как я строил несбыточные планы и трудился с мечтателями из Брук Фарм;¹⁷ после трех лет жизни, проведенных под тонким воздействием такого интеллекта, как Эмерсон;¹⁸ после дней беззаботной свободы, дней на Ассабете,¹⁹ когда, сидя у костра из валежника, мы вместе с Эллери Чаннингом²⁰ придумывали фантастические теории; после бесед с Торо²¹ в его уолденском уединении о соснах

¹⁷ *Брук Фарм* – «образовательная и сельскохозяйственная ассоциация», организованная в 1840 году Джорджем Рипли, видным участником «Трансцендентального клуба». Должна была служить практическим опытом социального переустройства общества в соответствии с принципами утопического социализма Фурье, – «заменить систему эгоистической конкуренции системой братской кооперации». Насчитывала до 100 участников. Издавала собственный журнал «Харбинджер» («Предвестник»). В 1847 году распалась вследствие материальных затруднений.

¹⁸ *Эмерсон*, Ральф Уолдо (1803–1882) – видный американский писатель и философ, глава литературной организации «трансценденталистов». Автор книг «Опыты» (1841) и «Представители человечества» (1850). Боролся за освобождение негров и за предоставление избирательных прав женщинам. Его противоречивая идеалистическая философия содержала романтическую критику капитализма и призыв к индивидуальному самоусовершенствованию.

¹⁹ *Ассабет* – небольшая река в штате Массачусетс.

²⁰ *Чаннинг*, Вильям Эллери (1780–1842) – друг Готорна, один из лидеров «унитарианской» церкви США, которая призвана была реформировать традиционный кальвинизм пуритан. Проповедовал уничтожение социального неравенства и борьбу против захватнических несправедливых войн.

²¹ *Торо*, Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, друг Эмерсона и Готорна. Пытался практически осуществить опыт жизни «вне цивилизованного общества», уединившись на лоне природы, на берегу пруда Уолден в Конкорде. Книга Торо «Уолден», описывающая его жизнь в этот период, полна острой социальной критики и представляет собой классическое

и индейских реликвиях; после того как восхищение Хиллардом²² и его утонченной классической культурой изошрило мой собственный вкус; после того как у очага Лонгфелло²³ я проникся поэзией, – после всего этого пришло, наконец, время проявить другие свойства моего характера и приняться за пищу, к которой раньше я почти не имел охоты. Даже старый инспектор был пригоден в качестве нового блюда для человека, общавшегося с Олькотом.²⁴ Мне казалось, что если я, знававший таких собеседников, мог теперь общаться с людьми, совершенно отличными от них, и притом нисколько не жаловаться на перемену, значит у меня в общем хорошо уравновешенная натура, обладающая всеми основными свойствами, присущими здоровому человеку.

Литература, ее цели и связанный с нею напряженный труд перестали меня занимать. Книгами в тот период я не интересовался: они меня не трогали. Природа, – за исключением человеческой природы, – та природа, к которой мы относим небо и землю, была мне в каком-то смысле недоступна. Я утратил способность к игре воображения, к одухотворенному наслаждению ею. Дар творчества, склонность к нему если не исчезли, то замерли и не проявляли признаков жизни. Это было бы печально, несказанно тяжело, не сознавая я, что в моей власти восстановить все, что было во мне когда-то действительно ценного. Я допускал, конечно, что нельзя безнаказанно жить такой жизнью слишком долго; она могла бы совершенно изменить меня, не превратив при этом в человека, которым стоило бы стать. Но я всегда считал свой новый образ жизни временным. Какой-то пророческий инстинкт нашептывал мне, что в недалеком будущем, как только перемена жизненных условий станет необходимой для моего блага, такая перемена произойдет.

А пока что я был таможенным надзирателем и, насколько я мог судить, не таким уж плохим. Человек, у которого работают мысль, чувство и воображение (пусть в десятикратном размере против того, что отпущено упомянутому таможенному надзирателю), может в любое время стать деловым человеком, если только он того пожелает. Мои товарищи по службе, капитаны и купцы смотрели на меня именно как на делового человека и, возможно, даже не знали о другом моем занятии.

Полагаю, что никто из них не прочел ни одной сочиненной мною страницы, а если бы даже они прочли все подряд, то не стали бы ценить меня ни на грош дороже. Ничего не изменилось бы, если бы эти бесполезные страницы принадлежали перу Бернса²⁵ или Чосера,²⁶ которые, подобно мне, были в свое время таможенными чиновниками. Для человека, мечтающего о литературной славе и завоевании с помощью пера места среди знаменитостей мира сего, будет весьма полезным, хотя и жестоким уроком выйти из узкого круга, где он пользуется признанием, и убедиться, насколько за этими пределами лишено значения все, что он делает и к чему стремится. Думаю, что я не очень нуждался в таком уроке, ни в порядке предостережения, ни в порядке обуздания, но так или иначе я получил его сполна, и мне приятно вспом-

произведение американской литературы.

²² *Хиллард*, Джордж Стилмен (1308–1879) – американский писатель и политический деятель. Издавал ряд журналов и был известен как превосходный лектор по вопросам литературы.

²³ *Лонгфелло*, Генри Уодсуорт (1807–1882) – американский поэт, автор известной «Песни о Гайавате» (1855), написанной на материале индейских народных песен. Учился вместе с Готорном в Бодойнском колледже и всю жизнь оставался его другом.

²⁴ *Олькот*, Амос (1799–1888) – американский прогрессивный педагог, требовавший гармонического воспитания ребенка, как физического, так и умственного. Был близок к кружку Эмерсона. Основал вегетарианскую сельскохозяйственную колонию «Фрут-ленд».

²⁵ *Бернс*, Роберт (1759–1796) – шотландский народный поэт. С 1791 года работал акцизным чиновником в городе Дамфрисе. Так же, как и Готорн, тяготился своей прозаической службой и однажды чуть не потерял место, купив на аукционе пушки с захваченного им контрабандистского судна и отправив их в дар французскому Конвенту.

²⁶ *Чосер*, Джефффри (1340–1400) – один из основоположников английской национальной литературы, создатель знаменитого сборника новелл «Кентерберийские рассказы». В период с 1374 по 1386 год Чосер служил в должности таможенного контролера при Лондонском порте.

нить, что когда я постиг содержащуюся в нем истину, то не старался, вздыхая, забыть о ней и совсем не испытал боли. Что же касается литературных разговоров, то в таможене был один чиновник, милейший человек, поступивший одновременно со мной и уволенный чуть позже, который очень любил беседовать о Наполеоне и Шекспире. Младший клерк – юный джентльмен, порою исписывавший, если верить слухам, листки писчей бумаги со штампом дяди Сэма какими-то строчками, весьма смахивавшими с расстояния в несколько шагов на стихи, также нередко заговаривал со мной о книгах, считая, по-видимому, что я могу оказаться сведущим в этом вопросе. Других литературных связей у меня не было, и я в них не нуждался.

Не стремясь более к тому, чтобы титульные листы книг разносили по всему свету мое имя, я с улыбкой думал об известности иного рода, которую оно теперь приобрело. Таможенный маркировщик надписывал его черной краской по трафарету на ящиках с перцем, на корзинах с плодами орлянки, на сигарных ящиках и на тюках со всякими подлежащими обложению товарами, в знак того, что таможенный сбор за них уплачен и все формальности соблюдены. Расположившись в столь странной колеснице, славы, весть о моем существовании, – в той мере, в какой имя способно о чем-либо вещать, – отправлялась в места, где обо мне ничего не слышали раньше и, надо надеяться, никогда не услышат впредь.

Но прошлое не умерло. Мысли, прежде казавшиеся столь значительными и деятельными, а теперь мирно почившие, все же изредка оживали. Одним из самых замечательных случаев, когда во мне проснулись привычки минувших дней, и был тот, который заставил меня, не нарушая законов литературного приличия, предложить публике этот очерк.

Во втором этаже здания таможи есть просторное помещение, стены которого, сложенные из кирпича, так и остались неоштукатуренными, а стропила – неподшитыми. В доме, построенном с широким размахом для нужд оживленного торгового порта, каким был когда-то Салем, и рассчитанном на дальнейшее его процветание, которому не суждено было осуществиться, оказалось больше площади, чем требуется тем, кто ныне работает в таможене. Поэтому помещение над конторой главного сборщика так и осталось неотделанным и словно продолжало ждать плотников и штукатуров, хотя с потемневших балок давно уже свесились гирлянды паутины. В стенной нише указанной комнаты один на другом стояли бочонки, набитые связками документов. Такие же связки во множестве усеивали пол. Больно было подумать о том, сколько дней, и недель, и месяцев, и лет труда истрачено на эти заплесневелые бумаги, которые теперь только напрасно занимают место и валяются в забытом углу, где никто и никогда их не видит. Но ведь какие груды других рукописей, содержащих не скучные казенные формальности, а мысли изобретательных умов и горячие излияния глубоко чувствующих сердец, также погрузились в забвение, к тому же не сослужив своему времени даже такой службы, какую сослужили эти документы, и – что горше всего – не принесли тем, кто их писал, средств к безбедному существованию, которые добыли себе таможенные чиновники своими бесполезными бумажками! Впрочем, быть может, не совсем бесполезными, потому что они дают материал для истории города. Там можно найти и сведения о былой коммерции Салема и деловые письма его знаменитых купцов – старого Кинга Дарби, старого Билли Грея, старого Саймона Форрестера и многих других тогдашних магнатов, которые сумели накопить при жизни несметные богатства, начавшие таять, как только пудренные головы их владельцев скрылись в могилах. Там встречаются имена большинства родоначальников семейств, составляющих ныне салемскую знать, – безвестных захудалых торговцев, выплывших на поверхность, как правило, куда позже революции,²⁷

²⁷ ...куда позже революции... – Подразумевается революционная война американских колоний за независимость в 1775–1783 годах, приведшая к отпадению колоний от Англии и к образованию Соединенных Штатов Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.